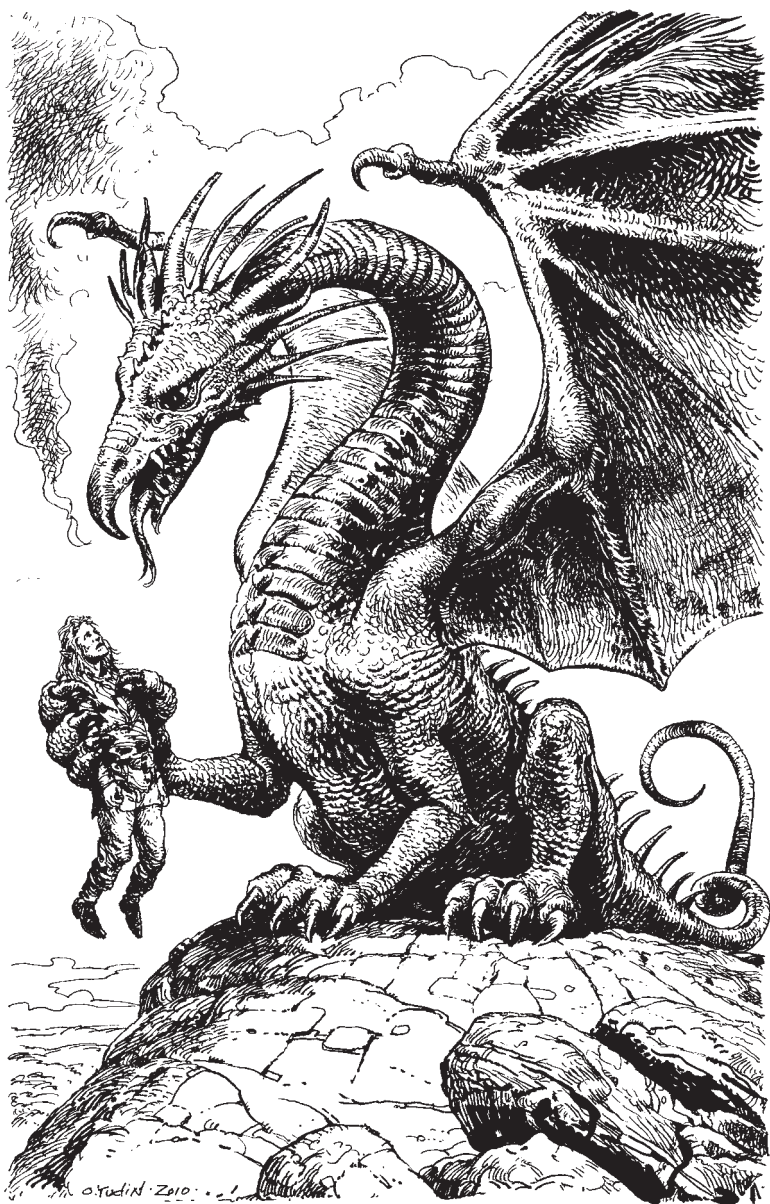

Книги Владимира Мясоедова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**НОВЫЕ ЭЛЬФЫ
И ИМЯ МНЕ — ЛЕГИОН
РАСТУЩИЙ ЛЕС
ИСКРЫ ИСТИННОЙ МАГИИ
МОРЕ СУМЕРЕК**

В соавторстве с Леонидом Кондратьевым
ТОРГОВЕЦ

© Yudin 2010 . . .

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

МОРЕ СУМЕРЕК

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М99

Серия основана в 1992 году
Выпуск 763

Художник
О. Юдин

Мясоедов В. М.

М99 Море сумерек: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 312 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1152-8

Сумерки — это удивительное время между светом и тьмой. А эльфы, зовущие себя сумеречными, — весьма странные создания. В их небольшом пустынном государстве, недавно появившемся на карте мира, все не так, как у других. Зловещая нежить, не знающая покоя и отдыха, обычно бывает занята на строительных работах. Порталы доставляют к грядам воду. Дань с подданных собирается не золотом, а удобрениями. Гигантские монстры заменяют ездовых лошадей, и всадники их вооружены не виданным нигде больше огнестрельным оружием. И нет объяснения загадкам той страны, кроме одного. Эльфы, что составляют верхушку недавно созданного королевства, нет-нет да называют себя русскими.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мясоедов В. М., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1152-8

ПРОЛОГ

Архимаг Келеэль из дома Вечной листвы, хоть и не являлся официальным государственным деятелем, а был всего лишь частным лицом, пусть и весьма могущественным, в вопросе управления государством немного разбирался. Волей-неволей поднаберешься опыта за пять тысяч лет жизни, большую часть которых считаешься сильнейшим магом эльфийского народа. Да и всего мира. Но пути выхода из ситуации, в которой оказалась только-только зарождающаяся нация сумеречных эльфов, ему на ум что-то не приходили. Ну кроме уже озвученных и признанных непригодными. Имей древний волшебник возможность вступить в беседу, что-нибудь и придумалось бы, но поскольку на собрание, равное по статусу государственному совету, он явился незванным, то вынужден был хранить молчание. Ну и заодно парить над полом, укутавшись в сложнейшую паутину заклинаний, защищающих его от обнаружения. Причем банальные чары невидимости были в ней самыми простыми. Шаман Михаэль, предводитель созданного Келеэлем народа, не раз удивлял старшего сородича весьма оригинальным, но эффективным подходом к искусству волшебства, и недооценивать его таланты было глупо. Конечно, если бы архимаг постучался в дверь дворца-пирамиды, в прошлом храм каких-то темных культистов, а ныне — административный центр

строящегося города, призванного стать столицей формирующегося государства, то его, без всяких сомнений, приняли бы с почетом и внимательно выслушали, даже если бы древний маг начал нести сущую околесицу. Ведь фактом жизни главы и, по сути, родоначальники новой нации были обязаны эксперименту, в ходе которого Келеэль воскресил несколько душ, призванных им из невообразимых иномировых далей. Архимаг снабдил их прекрасными телами, начальными ресурсами и время от времени оказывал своим творениям поддержку.

Надо сказать, чародей считал опыт в целом успешным, хоть и пошедшим в каком-то не том направлении. Озаботившись постепенным вырождением собственной расы, он решил увеличить ее число за счет сородичей, живших и умиравших под чужим небом. Привитая сотнями опасных экспериментов осторожность заставила его для начала ограничиться небольшой группкой в девять особей, одна из которых к тому же так и не ожила. И несколько лет не минуло, а количество перворожденных, пусть и немного странных, выросло на десятки. Причем не благодаря беспомощным новорожденным, которых еще лет сто воспитывать, а за счет полноценных взрослых особей. Скажи кто-нибудь архимагу всего лишь пару лет назад, что подобное возможно, и он был бы высмеян как безнадежный фантазер. Величайший волшебник мира, способный воскрешать мертвых и в одиночку уничтожать армии, такого даже представить себе не мог. Сумеречные же эльфы и не представляли — они просто работали: несколько десятков освобожденных из плена дроу наделили ложной памятью и подвергли ритуалу по изменению сути, после чего те стали новыми членами клана Эльдар. Архимаг, несмотря на произошедшие с извечными врагами его расы метаморфозы, все-таки не мог считать их сородичами. Но

вот их дети... Отличить подобного отпрыска от чистокровного эльфа не взялись бы даже боги. А потому он, Келеэль, согласился и с существованием их родителей. Ну а если они сами погибнут, не его проблемы. Но это вряд ли произойдет. Древний волшебник усвоил: если шаман Михаэль, которому он периодически дает уроки, берется решить какую-то проблему, то посмотреть на это как минимум интересно. Иногда даже полезно. Юное дарование уже смогло несколько раз серьезно удивить старшего собрата и подкинуть ему несколько полезных идей. А такое в искусстве волшебства ценится куда выше золота и драгоценных камней. Следовательно, архимагу логичнее подождать и увидеть, что получится из его затей. Ну и, может быть, чуть-чуть помочь. Если потребуется. А то что-то атмосфера на импровизированном государственном совете воцарилась нерастоящая.

— Следует признать, — подвел результат затянувшихся дебатов Михаэль, — что я как руководитель государства повторил подвиг Моисея, таки нашедшего за сорок лет на Аравийском полуострове место, где нет полезных ископаемых, пусть и с меньшими временными трудозатратами. В наших краях из природных ресурсов нет ничего: ни нефти, ни газа, ни железа, ни даже угля. Караваны до недавнего времени обходили эту часть пустыни десятой дорогой; сейчас положение, конечно, лучше, но все равно стать торговым центром в ближайшую сотню лет мы вряд ли сможем. Даже камень в горах и тот ни к черту не годится! Один гранит! Его обрабатывать и возить куда-то без первоклассных дорог себе дороже. Возникает такое чувство, что это место выбрано специально как самое бесперспективное. Из аборигенов здесь только полудикие кочевники, которые гоняют по маленькому куску плодородной земли тощий скот, от скуки режут друг другу глотки и во

сне видят, как втыкают ножи нам с вами под лопатки! А еще ведь есть проблема воды! Реальные затраты магической энергии на обеспечение более-менее комфортных условий для жизни и поддержку насаждений, как оказалось, превышают расчетные чуть ли не в три раза! К тому же артефактный портал на элементальный план стихии, который сейчас является источником влаги, не вечен. И он выйдет из строя, причем с подобными нагрузками скорее рано, чем поздно. Тогда придется спешно эвакуировать горожан и выселять неизвестно куда драконов, так как колодца в нашем подвале на всех не хватит. Крупный город в сложившихся условиях инфраструктурой не обеспечить. К тому же деньги, которые пока, к счастью, имеются с избытком, тоже рано или поздно закончатся, и мы не сможем закупать нужные товары у торговцев. Как бы то, что у нас есть, урезать не пришлось. Ваши предложения?

— Мих, не понимаю, с чего вдруг такой пессимизм? — пожала плечами эльфийка со странным именем Шура, и ее высокая грудь при этом колыхнулась, моментально собрав на себе заинтересованные взгляды всех присутствующих мужчин. Телосложение и внешность Шуры были близки к идеалу настолько, насколько это вообще возможно, но, к сожалению, в качестве компенсации девушке достался не слишком острый ум и весьма скверный характер. Превзойти ее в стержовности могла разве что Кайлана, чистокровная дреу, над которой никто обрядов смены сути не проводил. Ее всего лишь насильно выдали замуж за человека, присягнувшего на верность сумеречным эльфам, и скрепили обряд благословением бога гномов. Теперь, если бы бывшая младшая жрица Ллос вернулась в обжитые ее расой подземелья, перед старшими служительницами богини встала бы сложная проблема. Изощренную казнь для такой отступницы даже они с их изуверским тыся-

четлетним опытом придумали бы далеко не сразу. То, что согласия на брак не спрашивали ни у невесты, ни в общем-то у жениха, для служанок паучьей королевы и, главное, для нее самой роли не играло. — Ведь мы вроде и не собирались форсировать развитие этих мест и ударно строить коммунизм на захваченных землях в ближайшую пятилетку за три года. Сначала надо как следует воспитать тот детский сад, что понабрали у дикарей, и сделать из заложников верных и преданных помощников, ну а потом...

— Милая, — поправил спутницу жизни Семен, откликающийся на прозвище Шиноби и являющийся, за неимением лучшего, кем-то вроде главы разведки, — до «потом» еще надо дожить. И Мих говорит, что у нас с этим проблемы. И я, знаешь ли, ему верю. Уж что-что, а предсказывать неприятности наш верховный и единственный шаман умеет профессионально.

Келеэль поморщился. Пророческие способности лидера сумеречных эльфов, которые Мих не раз демонстрировал в прошлом, мешали архимагу проворачивать свои дела, оставаясь в тени, как он привык за тысячелетия жизни. Приходилось играть почти в открытую. Да и эта манера сокращать имена до одного-двух слогов... Нет, сам архимаг тоже не терпел этикета, чем, кстати, прославился едва ли не больше, нежели своими неоднократными одиозными выходками и поступками. Но всему есть предел!

— Именно, — подтвердила супруга Михаэля Лика. — Если мы продержимся десять лет, тогда в строй войдут те, кто сейчас учится в открытых школах и незаметно для себя получает в глубинные слои психики установку на верность. Кстати, надо бы обновить запас питания для Мозга, в кладовой всего лишь три головы осталось.

Этот живой артефакт, способный чрезвычайно на многое, к примеру, полностью подчинить себе или сво-

ему хозяину любое живое существо или вложить прямо в голову навыки по искусствам боя или магии, только что воскрешенные сумеречные эльфы уперли из жилища пятитысячелетнего некроманта и демонолога, но раскрыть весь его потенциал так и не сумели. Впрочем, маг не возражал, поскольку всегда мог вернуть свою вещь, да и не нужна она ему была пока, только место в безразмерной кладовой занимала.

— Займусь, — кивнул самый brutальный из воскрешенных Келеэлем эльфов, Азриэль. Хотя на имя Рустам он тоже почему-то отзывался. Архимаг возвращал его к жизни дважды, поскольку один раз воина уже ухитрились убить. Впрочем, с представителями его профессии подобное бывает сплошь и рядом, а за работу волшебник получил вполне пристойную, по собственным конечно же меркам, плату. Причем не банальным золотом, а секретами мастерства, которые принесли с собой в этот мир его новые эльфы. — У нас установились неплохие отношения с местной гильдией охотников на чудовищ. И как они умудряются добывать этих подчиняющих сознание тварей с щупальцами вместо глаз?

— Бьют так, чтобы не попасть под псионические способности, — предположила подруга Азриэля, целительница Настя, которая в своей работе почему-то предпочитала полагаться не столько на магию, сколько на травы и хирургическое мастерство. Впрочем, артефакты для врачевания, которые Келеэль создал по ее указаниям, лекари Западного леса приняли с восторгом. — Ловушками, к примеру, которые ставят в их подземных жилищах. Главное, чтобы они в окрестностях не перевелись раньше, чем Мозг перестанет быть нам нужен. И зачем архимагу понадобилось сотворить такое существо из гипнурга, да к тому же способом его питания делать исключительно каннибализм? Ладно, не о том речь. Какие кто видит пути выхода из возникшего кризиса?

— Кроме тех, которые перечислил Мих, ничего на ум

не приходит, — сознался Серый, брат Насти, воин, как и его подруга Викаэль, которая после недолгого, но ужасного плена у орков старалась не отходить от своего избранника и незнакомых мужчин инстинктивно сторонилась. — Да и что еще можно придумать, кроме переноса нашего места обитания в более благодатные места, кроме регулярных грабительских походов и захвата колоний? И вообще, не понимаю, почему бы нам не воспользоваться первым вариантом и не покинуть эту унылую пустыню.

— Потому что все уютные места давно расхвачены, — поморщился Михаэль. — Это здесь, в песках, где, в общем, никого и ничего нет, мы со своими гигантскими ручными скорпионами, деревянными роботами, баллонами с хлором и аж двумя драконами — грозная сила, а сунемся в более цивилизованные места — сожрут. У нас же и пяти десятков сумеречных эльфов не наберется, причем большая их часть раньше была дреу, а потому до сих пор страдает от провалов в профессионально почищенной памяти и неумения управляться с имеющимися волшебными силами.

— Ой ли? — усомнилась Ликаэль. — А мне кажется, на захват какой-нибудь маленькой страны нашей мощи вполне хватит. Ты, между прочим, практически на равных дрался с князем Западного леса, а значит, вполне можешь в своем артефактном божественном доспехе, собранном из попавшегося под руку хлама, считаться равным по силе архимагу. Да и остальные наши войска способны уничтожить большинство имеющихся в этом мире армий.

Келеэль поморщился. Он не любил вспоминать тот случай, когда два молодых талантливых эльфа, принимающих его за наставника и палочку-выручалочку в одном лице, сцепились между собой как враги. Пущенная в дело фамильная сила князя Западного леса столкнулась с армадой мелких духов, которым разум заменила воля шамана. Потасовка получилась знатная, новый

лес на том месте вырастет не скоро. Хорошо, что архимаг успел их вовремя разнять.

— Ну может быть, но с какими потерями? — спросил ее Михаэль. — Готова похоронить Шуру или Серого? Да к тому же и сама ты не застрахована от покушений, как де-факто соправитель сумеречных эльфов, и нет гарантии, что Келеэль сумеет тебя воскресить. Есть способы, мешающие проделывать подобное. Тогда, в схватке с князем, мне повезло: он устал после длительного противостояния гипнургам и дроу. И шансы на победу у нас были примерно одинаковые. В случае же, если наше войско встретит архимаг и я проиграю, остальных перебьют как тараканов. А повторить мои «Доспехи Бога» нельзя, иначе придут настоящие небожители и устроят нам новую Атлантиду, невзирая на всякие мелочи вроде сопротивления и пустынного климата. То предупреждение, которое они послали, было на редкость... убедительным. Придется нам в боях обходиться обычным или почти обычным оружием. Ну или подождать, пока сумеем сотворить новое «Вундерваффе», принципиально отличное от предыдущего.

— Ты преувеличиваешь, — возразила ему присутствующая на совете Кайлана, лучше всех знающая реалии этого мира и являющаяся наставницей новичков. Надо сказать, дроу со своей работой справлялась превосходно. Не в последнюю очередь потому, что служение Ллос научило ее виртуозно обращаться с кнутом. — Ваши големы, эти, как их, «Буратинаторы», — великая вещь. Десять — пятнадцать таких штукочин измотают атаками даже того, кто владеет высшей магией.

— Но не помешают ему удрать и вернуться на следующий день отдохнувшим, чтобы выбить наши машины по одной, — буркнул Азриэль, которого две смерти подряд, да еще с относительно небольшим интервалом между ними, научили ценить жизнь. — Вот потому-то я решительно против завоевания новых территорий

или грабительских походов куда бы то ни было. Во всяком случае, если на наш удар могут ответить ударом.

— Это, скорее, растения, а не машины, — поправила его Викаэль.

— Не могу привыкнуть к тому, чтобы считать, по сути, боевого робота продукцией с грядки, — покачал головой воин. — Но это роли не играет.

— В общем, сейчас мы решение не найдем, — подытожил Михаэль. — Ладно, год как минимум есть в запасе, будем думать. Лично я склоняюсь к мысли обустроить в пирамиде надежный форпост, который будет защищать вход в наши земли, а потом перебраться в глубь долины, туда, где есть речки, пусть маленькие, но настоящие, и уже там отстроить по мере сил настоящий город. Только сначала надо правильно выбрать место — это важно. В окрестностях бывшего храма культистов сделано, конечно, много... но не настолько, чтобы нельзя было просто бросить его и уйти в другое место. А там уже и о развитии земледелия можно поговорить. Кочевники, конечно, будут недовольны... но они и так не любят и боятся нас, так что, думаю, сможем заставить какой-нибудь не слишком сильный род забыть про овец и взяться за мотыги. А если появится постоянный излишек продуктов, очень быстро нарисуются и те, кто с удовольствием будет жрать. Кстати, что там у нас с новыми переселенцами? Семен, ты вроде говорил, есть проблемы?

— Это мягко сказано, — буркнул Шиноби. — Нас от цивилизации и населяющих ее людей и нелюдей отделяет приличное расстояние, да и репутация у сумеречных эльфов неоднозначная. В общем, переселенцев, привлеченных щедрыми посулами, прибыло за год нашего сидения в этой глуши до смешного мало. И почти все они либо прожженные авантюристы, жаждущие золота, либо беглые преступники, либо попросту шпионы. Причем последних Мозг выявил столько, что я даже не

знаю, что с ними делать. У нас тюрьма на такое количество не рассчитана!

— Хм, — задумался Михаэль. — И чем они сейчас занимаются?

— Да ничем, — пожал плечами Семен. — Пара особо наглых в камерах, один помер, когда ему ментальную блокировку ломали, остальных собрал на карантине и никуда не выпускаю. Почему — никому не сообщается. Хотят — пусть бегут. Все равно в одиночку и без припасов пустыню не пересечь. Да и драконы их легко догонят, если что.

— М-да, ситуация, — почесал затылок шаман. — Слушай, Рустам, а ведь у нас дефицит кадров, которых можно послать на опасную работу вроде разведки подземелий или охраны границ, так?

— Ну да, — кивнул Азриэль. — Солдат не хватает даже на регулярные патрули. Приходится кочевников напрягать, но веры им нет. За монету отвернутся, а за кошель, если прирезать нарушителя не смогут и все себе забрать, еще и помогут что-нибудь ценное у нас тырить.

— Так почему бы нам не использовать разоблаченных шпионов? — предложил шаман. — Подготовка у них наверняка имеется, жалеть их точно не будем, а что до шпионажа... — Губы правителя сумеречных эльфов исказила веселая и злая улыбка. — Пусть воруют чего хотят. Вот только к городу с его сплавом техники и магии мы их больше и на пушечный выстрел не подпустим. И надо бы сделать какое-нибудь представление поэффектней, чтобы перепугались до мокрых штанов, прониклись значимостью своей миссии и не пытались вредить нам. Да и дыру для постоянного места проживания этого штрафного батальона лучше бы найти такую, которую и разрушили миров при конце света не вдруг найдут.

Келеэль покачал головой. Ему эта идея не показалась умной. Впрочем, пусть сумеречные эльфы попробуют ее воплотить. Может, что-то у них и получится.

ГЛАВА 1

Каэль отвернул голову в сторону, чтобы не видеть начала казни, на которой был обязан присутствовать. Исполнение наказания еще не началось, но приятного уже сейчас было мало. Ужас в глазах жертв, их отчаянные мольбы о милости и снисхождении, голодное безумие в зрачках палачей и летящая из оскаленных пастей пена, неясный гул толпы, возбужденной предвкушением отвратного и вместе с тем захватывающего зрелища. Зачем на все это «любоваться»? Не лучше ли, к примеру, внимательно изучить свое отражение в щите стражника, стоящего в паре шагов от тебя и охраняющего то ли зрителей от «содержимого» амфитеатра, где вот-вот прольется кровь и оборвутся жизни, то ли тех, кому предстоит убивать или быть убитым.

Острое зрение перворожденного позволило его обладателю увидеть в начищенном металле высокого жилистого эльфа, облаченного в простую зеленую одежду без украшений. Овальное лицо с правильными чертами выглядело довольно симпатично. Зеленые глаза под длинными ресницами смотрели цепко и умно. Природную бледность кожи подчеркивали искусно выполненные черные татуировки. Рисунки иных цветов смотрелись несколько хуже, но тоже не портили общей картины. Да их не так много и было. Так, пара алых мазков на висках, говоривших о том, что их обладатель — во-

ин, причем не рядовой; небольшая синяя точка в центре лба, показывающая всем, что искусство магии тоже не чуждо ее хозяину, ну и бледно-зеленая метка принадлежности к вассалам лорда-жреца на кончике подбородка. Все остальные знаки были темными. Древние руны, повествующие о смерти в родах матери, лишенной клана, и отсутствии отца, сплетались с символами траура по погибшим начальникам и подчиненным. Весьма многочисленными. Лишь тонкость нанесенных линий уберегала прекрасное лицо Каэля от того, чтобы стать гротескной маской выходца из нижних планов.

Раздался отчаянный крик, наполненный болью и ожиданием неизбежной смерти, впрочем быстро перешедший в едва слышное бульканье. Мужской. Каэль захотел выругаться, но привитая в детстве дисциплина пусть и с немалым трудом, но уберегла перворожденного от прилюдного сквернословия.

«Хотя, — невесело ухмыльнулся про себя эльф, — кто обратит на столь мелкий проступок внимание? Да и в любом случае мне сейчас навредить сложно».

Новая серия криков была куда продолжительней. И громче. Потому что исторгала их глотка женщины, с которой убийца решил немного поиграть. А жертва, к его радости, попалась живучая.

Каэль всерьез задумался, не заткнуть ли ему уши, но потом все же решил этого не делать. Следующие осужденные наверняка умрут быстро. Дети. Долго они не протянут, да и не одобряют жрецы их мучений. Даже если страдают те, кого они самолично приговорили.

Звуки, доносящиеся с арены, подтвердили его предположения. Эльф невольно восстанавливал происходящее на песке, словно видел это своими глазами, которые впились в злополучный щит стражника так, будто хотели расплавить отражающий свет металл. Вот жертву, перепуганную смертью родителей, выталкивают из

предназначенных специально для преступников ворот. В руке у нее жалкий нож, скорее всего, тупой и ржавый. А прямо к ней, скалясь перемазанной в крови пастью, идет палач и вестник невиновности в одном лице. Священный белый волк, взращенный жрецами специально для травли преступников и проведения ритуалов. Здоровенная и практически разумная зверюга, вполне пригодная для того, чтобы встать под седло и нести наездника без усталости целыми днями. Своеобразный ответ верховым ящерам дреу, в бою добавляющим остроте клинков подземных отродий вечно голодные оскалы. Если волк пощадит обвиняемого, тот вернется к прежней жизни и о его проступке забудут, ведь боги по каким-то своим причинам воспротивились смерти нарушившего закон. А если на песок арены упадет мертвым священный зверь, тогда уж солоно придется обвинителям. Но это бывает редко. С обычным верховым волком справится далеко не каждый воин в полном вооружении и броне. А питомец жрецов благодаря священной магии крупнее собратьев раза в полтора. Выходить на такого с ножом... странно, но мастеров меча на арене за всю ее историю, кажется, не бывало ни разу.

Шум стих. Спустя время, необходимое для успокоения зверя и уборки трупов, над амфитеатром разнесся голос глашатая, объявлявшего о новом наказании. Публичной порке новобранца, посмеявшего оспорить приказ командира.

«Смертельных приговоров сегодня больше не будет, — понял Каэль и облегченно вздохнул. Очередная жертва, сапожник, пытавшийся покинуть пределы Древнего леса со своей семьей, но пойманный пограничниками и осужденный на показательную кару жрецами, больше уже никогда не возьмется за свое ремесло. — Жаль мастера, хорошую обувь делал. В детстве были у меня сандалии его работы. Пять лет носил, пока из раз-

мера не вырос, а потом обратиться к нему не было возможности, потому как началась учеба в Зеленой страже».

— Знаешь, пойду-ка я, пожалуй, — решил эльф и, сделав два шага в сторону, отдал копьё соседу по цепи, служащей дополнительной защитой для того сектора трибун, что облюбовали жрецы и знать.

— Так ведь смена еще только началась... — удивленно раскрыл рот от такого пренебрежения обязанностями новобранец, только-только заступивший на службу. — Это ведь... ну... карцер!

— Для тебя, — хмыкнул Каэль, наконец-то нашедший в наступившем дне хоть что-то хорошее. — А я со вчерашнего дня не служу, просто остался должен одно дежурство в соответствии с расписанием караулов. Но наверное, в связи с увольнением стоять его мне уже и необязательно? Как считаешь?

И, не дожидаясь ответа, ввинтился в боковую улочку и был таков. Комнату в казарме он вправе держать за собой до конца года, а одежда стражника, пусть и без полагающегося по уставу оружия, помогала прокладывать путь в любой толпе. Дорога его пролегла туда, куда простым воинам, да и не очень простым, если на то пошло, она была заказана. В Цитадель Мудрых. Вопреки названию обитель сильнейших волшебников народа перворожденных на неприступную крепость походила слабо. Зеленая изгородь по пояс, приятные глазу белые стены полированного мрамора, а рядом на лужайке несколько начинающих чародеев, медитирующих или просто слоняющихся. Впрочем, не в высоких укреплениях была сила Цитадели, а в искусстве и мастерстве тех, кто жил и обучался тут.

Дверь одного из самых больших и роскошных домов сама собой захлопнулась перед лицом Каэля. И он, выругавшись для разнообразия вслух, потянулся за амулетом-ключом.

— Не подобает осквернять обитель знаний подобными словами, — мягко, но непреклонно прозвучал знакомый голос за спиной эльфа, у которого при распознавании недовольных интонаций рефлекторно заняло место пониже спины.

— Как прикажете, о сиятельнейший и великолепный... — начал он официальное извинение, разворачиваясь, но, прежде чем фраза была закончена, в лицо ему как будто ударил порыв свежего ветра и последние слова услышали уже стены особняка того, к кому Каэль и направлялся.

— В раскаяние твое верю, — солгал ему в лицо эльф, на испещренном морщинами лице которого без труда читалась мудрость столетий. А кто не обладал достаточными навыками в ее распознавании по внешнему виду собеседника, легко мог справиться с подобной задачей при изучении плаща магистра магии, накинутого на плечи. — И все равно не подобает!

— Зачем тебе это нужно было? — помолчав несколько мгновений, спросил бывший стражник.

— О чем речь? — Старый волшебник не только не разгневался на грубый тон, но и демонстративно немело изобразил полную непричастность к обсуждаемой теме. Если бы чародею понадобилось, то догадаться о лжи без помощи мага-менталиста было бы затруднительно.

— Мое увольнение, — уточнил Каэль. — В этом деле, как говорят варвары, заметны кончики чьих-то длинных ушей. И обладателя их я вижу перед собой!

— Ты слишком много с ними общался и научился непочтительности! — буркнул старик и устало побрел к ближайшему предмету мебели, которым оказалась невысокая кушетка. — Но да. Ты прав. Скажи, в твоей жизни ничего не казалось несколько... странным?

— Да ну как сказать?! — вскричал Каэль, чувства ко-

торого, до того старательно сдерживаемые, рванули наружу. — Дай-ка подумать... Все! Начиная от любовной истории молодого чародея и отвергнутой кланом преступницы, ставших моими родителями, и заканчивая тем, что родной дед сломал мне тщательно выстроенную им же самим карьеру! Во имя всех богов и демонов, знал бы ты, чего мне стоило устроиться в столичный гарнизон! Чтоб ты в Бездну провалился, старый хрыч! Знаешь, каково это — терпеть за спиной шепотки и сносить косые взгляды? Знаешь, каково это — когда все считают тебя куском отбросов лишь по причине того, что мать была осуждена за запретную магию, а отец, наплевав на добрую половину традиций, не отрёкся от невесты и взял ее в свой дом наложницей, которую, впрочем, так и не решился назвать женой?!

— Не кричи! — тихо, но очень убедительно попросил маг. — Да, любовь моего единственного сына... наделала глупостей. Много. Но в том, в чем ее обвинили, она виновата не была. А церемонию бракосочетания своей властью запретил я, если это тебя так волнует. Сначала надеялся, что отпрыск найдет другую спутницу жизни, а потом... потом осталось только воспитывать внука и искать виновных в гибели его родителей. Но я говорил не о том. Тебя не удивляет, что, несмотря на происхождение, ты смог поступить сначала в Зеленую стражу, а затем перевестись в столичный гарнизон, где намеревался делать карьеру?

— Чей я потомок, знали многие, — пожал плечами Каэль. — Да и потом, после тренировок под руководством чародея, разменявшего восьмую сотню лет, даже самый строгий наставник новобранцев выглядит неопасным и симпатичным, как бешеный волк или саблезубый тигр, например.

— Ну, может, я и был иногда излишне требователен, — с явной неохотой признал магистр магии, — но

даже с такой подготовкой сына преступницы не приняли бы в ряды воинов... не окажи ему поддержку некое высокопоставленное лицо.

— А потом это самое лицо сделало так, что сына преступницы вышвырнули оттуда с треском, — зло бросил Каэль. — Да, я знаю, что все твои попытки официально закрепить наше родство провалились. Лорды-жрецы были против. Но... но так-то зачем?!

— Лучше я, чем другие, — развел руками старый эльф. — Наш сюзерен Висфоэль, да будут милостивы к нему предки, погибший незадолго до твоего третьего совершеннолетия, когда можно было совершить нужные ритуалы, хорошо относился ко мне. А вот его сын не желает знать старика, который когда-то давал ему уроки чародейства с применением... несколько грубых методов для лучшего усвоения материала. Еще два правителя не хотят вызывать его неудовольствие по столь ничтожному поводу. Мое же время уходит. Скоро оно закончится совсем. И тогда многие из тех, кому пришлось перейти дорогу нашему роду, вспомнят об одном из лишенных защиты его представителей. Другим родичам ты безразличен. В лучшем случае.

— Что ты имеешь в виду? — От удивления Каэль забыл об обиде, кипевшей в его душе раскаленной лавой и так и норовившей выплеснуться жгучими и, самое главное, обоснованными словами наружу.

— Я стар, — пожал плечами чародей. — И я не архимаг, что мог бы попытаться обмануть смерть. С каждым днем мне все труднее оставаться среди живых. До того момента, как ты лишишься единственной защиты, совсем недолго, и раз уж мой внук так и не успел обезопасить себя собственными достижениями, дело взял в свои руки его дед.

Молодой эльф обескураженно молчал. Мысль о том, что суровый воспитатель, заменивший ему родителей,

не вечен, была... странной. Она не желала укладываться в сознании.

— Я знаю, ты давно хочешь покинуть пределы нашей страны, — продолжал магистр магии. — И лишь надежность пограничных кордонов и наложенных при вступлении на службу клятв, которую ты знаешь лучше многих других, останавливает тебя от этого шага. Но есть и официальные способы покинуть государство. Владыкам нужны... шпионы. И ты станешь одним из них. О том, что на эту роль в ближайшем времени не подойдет никто другой, я позаботился, на это моего влияния хватило. По идее, наши родственные узы должны служить гарантом твоей верности, ведь спастись от магии крови почти невозможно. Но других близких живых родичей, кроме дряхлого старика, стоящего одной ногой в могиле, у тебя нет, а потому, убравшись подальше от границ, можешь послать полученные приказы к демонам. А можешь и не посылать: верного слугу вознаградят. Вернуться в Лес не бесправным парией, правда, все равно вряд ли получится, но будешь пожизненно обеспечен денежной и очень опасной работой.

Каэль мог только открывать и закрывать рот, сраженный обрушившимися на него новостями.

— И... что мне делать, ну... потом? — растерянно спросил он у деда.

— Понятия не имею, — вздохнул маг. — Я прожил долгую жизнь, но назвать ее счастливой не могу. Постарайся сделать так, чтобы своим внукам ты не говорил подобное. Куда податься, решай сам. Среди смертных ты будешь одним из первых, но всегда чужим. А тех, кого короткоживущие расы не могут понять целиком и полностью, они рано или поздно пытаются уничтожить. Западный лес беглеца приютит, но наших шпионов, способных испортить жизнь, в нем хватает. Да и не любят там восточных сородичей после некото-

рых событий. Совсем недавно в далекой пустыне появился еще один Лес, образованный беглецами из какого-то дальнего мира... но... не знаю. Слухи про него ходят разные. Я даже точное название не сумел выяснить. То ли Сумеречный, то ли Новый, то ли Русский... всякое говорят.

— Как-как? — переспросил Каэль.

— Русский, — с готовность повторил маг. — Вроде бы к этому народу принадлежит тамошняя верхушка, включая их лорда-жреца... ой, нет... короля... или вождя? Ну не знаю я, в общем, как там у них правитель называется, но имя его — Михаэль, и он вроде бы высший маг, вернее, шаман. И что-то его связывает с Келеэлем. То ли ученик он его, то ли потомок... неизвестно, но самый могущественный маг мира дал понять, что это молодое государство он будет опекать изо всех сил.

— Да, слышал от торговцев, которых сопровождал в последнем походе, похожие слухи, — признался Каэль, немного подумав и вспомнив сплетни, принесенные из-за пределов Древнего леса, до которых был, впрочем, не большой охотник. — Правда, не придал им значения, решил, что речь идет о какой-то новой затее выжившего из ума пятитысячелетнего архимага.

— Древнейший представитель нашего народа отнюдь не безумен, — покачал головой дед. — Просто его логика и образ мыслей сильно отличаются от привычных нам. Но тем не менее есть закономерности, которых даже он вынужден придерживаться. Высшего мага так просто не воспитать и уж тем более не проконтролировать. А Михаэль доказал, что он один из них, сначала уничтожив заклинанием, очень похожим на известную тебе по хроникам «пелену висельника», целую армию орков, а потом на равных схватившись с правителем Западного леса. Про него никто ничего не слышал и не знал до того дня, когда он во главе нескольких де-

сятков подданных объявился в человеческих землях. А значит, шансы на то, что он обычный инструмент в руках Келеэля, ничтожно малы. Да, у них абсолютно точно союз, в котором, возможно, шаман играет подчиненную роль, но, бесспорно, является силой, с которой считаться придется любому.

— Лорды-жрецы горят желанием узнать про него как можно больше, — понимающе кивнул Каэль. — И твои слова буквально подталкивают меня к тому, чтобы помочь им в этом. Почему? Впрочем, нет, молчи, сам догадаюсь. Хочешь вымолить у них разрешение назвать меня внуком?

Магистр магии скривился.

— Не хочу уходить к предкам последним прямым потомком нашего рода, — сознался он. — В этом случае ушедшие за грань могут встретить меня... неласково. Но это не все. Тебе, после того как покинешь Древний лес, надо прочно где-то закрепиться, чтобы научиться жить во внешнем мире. Краткие вылазки во время охраны наших послов и торговцев — это все-таки не то. Единственное, что абсолютно точно удалось узнать про новый Лес и его эльфов, то, что они принимают изгнанников. Даже дроу. И не ухмыляйся, я не шучу. Есть среди верхушки их государства бывшая жрица Ллос. Ее во время известного тебе инцидента с нашим покойным господином едва не прибили по ошибке, потому и слухов о ней разнеслось раза в два больше, чем о Михаэле и его землях.

— Это... необычно. — На ум молодому перворожденному пришел куда более нецензурный эпитет, но произнести его при старшем родиче, да еще, как выяснилось, умирающем, он не решился. — По крайней мере, среди тех, кто готов на такое, мои метки значения иметь точно не будут. Да и шпионов там, судя по твоей плохой информированности, действительно нет, а зна-

чит, я буду первым и довольно высокооплачиваемым. Как думаешь, если направлюсь к ним, мне выделят подъемные?

Спустя пару дней Каэль, связанный по рукам и ногам, с воем и руганью катался по мягкому песку небольшой арены, окруженный тройкой магов, двое из которых были целителями. Боль, терзавшая тело юного эльфа, сделалась невыносимой.

— Терпи, — вздохнул магистр магии, наблюдая за мучениями внука. — Срезание печатей с частью ауры — не самая приятная процедура, но пройти ее ты должен. А иначе первому встречному чародею станет ясно, что ты находишься вне пределов Древнего леса по поручению владык.

Каэль не ответил старику. Был занят. Чудом нашел в песке камешек и теперь грыз его, стараясь заглушить ощущения, вызванные потерей большого куска ауры. Но осколок пробыл в крошащихся от натуги зубах недолго, будучи выдернутым одним целителем при помощи телекинеза.

— И как только преступники такое терпят? — покачал головой второй целитель, менее опытный по причине молодости, наблюдая за мучениями Каэля и накладывая на него заклинание, призванное немного облегчить боль, убрать которую полностью без высшей магии было невозможно.

— У них же обычная клановая символика, — пожал плечами его старший коллега. — А у этого, кроме того, печати командира отряда воинов и боевого мага... были. Это если о наградных знаках умолчать, которых данный индивидуум заработал удивительно много для низкороджденного.

— Да, — продолжал рассуждать вслух юнец, — это

понятно, шок от повреждений ауры, вызванных более слабыми травмами, вполне может быть преодолен при помощи больших доз лечебных снадобий или даже просто вина, но как они проводят ритуалы? Среди низших каст магов нет.

— Стихийные, не принятые на обучение по различным причинам, но развившие свой талант до заметного уровня самостоятельно, бывают, — поправил его магистр магии, отодвигая внука мягкой и почти ласковой песчаной волной от бортика арены, о который тот пытался биться головой. — И для первичного обезболивания обычно используется простой удар по голове, а потом бессознательное тело накачивают алхимической смесью, сделанной на основе слабеньких реагентов противоположных стихий. Если доза угадана верно, аура начинает временно деформироваться и преступник может в это время попробовать удрать за пределы охранной магии Леса.

— А если расчеты провели неправильно? — не унимался молодой.

— При передозировке тело и аура получают множество повреждений, что ведет к смерти, а при слишком низкой концентрации эликсиров татуировки при пересечении внутренних или внешних границ исправно подают сигнал, по которому их владельцев легко отследить и догнать, — пожал плечами магистр магии. — Каэль, ты пришел в себя?

Лежащий на песке эльф, чье тело наконец перестала корезить невыносимая боль, что-то промычал в ответ. Сведенные судорогой мышцы ротового аппарата еще не вернулись в норму. Пожалуй, если бы не поддерживающая магия, Древний лес мог бы лишиться одного из новоиспеченных шпионов, умершего при снятии въевшихся за долгие годы в его тело и душу охранных печатей, не позволявших воину и чародею не исполнять

прямой приказ своих сюзеренов и сильно затруднявших даже косвенные акты неповиновения.

— М-да, кажется, мы слегка переборщили с легендой, — посмотрев на внука, признал магистр магии. — Если бы какой-нибудь идиот действительно активировал на своей шее одновременно жреческие медальоны из храмов дня и ночи, то ему ее оторвало бы.

— Ну их можно просто держать в руках, — возразил эльфийский лекарь, прежде молчавший. — Шрамы, поражение тканей энергиями и закрытые переломы сейчас организуем. Хм... может, для правдоподобия обрезать пару пальцев и дать с собой одноразовый артефакт с заклятием регенерации?

— Я... тебе... кое... что другое отрежу, — с усилием вытолкнул из пересохшего и сорванного в крике горла Каэль, ни на миг не усомнившийся в том, что чародей не шутит. — Как, по-твоему, с такими ранами через границу перейти?! Да меня первая же стая хищников растерзает!

— Ну если еще дать тебе амулет Матери зверей, то ни одно простое животное будет не страшно, — начал что-то прикидывать лекарь-маг. — В принципе лишний мы найдем, да и друид для его настройки на владельца поблизости имеется...

— А если заодно и дружину с парой тысяч подданных, так я вообще могу назваться князем в изгнании, — зло оскалился подопытный, не желавший ради обладания волшебной побрякушкой жертвовать любимыми конечностями, хоть они и должны были прийти в норму всего через месяц. — И вообще, я на допросе лучше сразу сознаюсь, что мне помогли, выдав якобы недовольного государственным строем чародея-изменника, который на самом деле жрец с трехсотлетним стажем участия в фальшивых заговорах.

— Но так неправильно. — В руках мага блеснул

нож, а сам он осторожно ступил на арену. — Да не бойся ты, я обезболю. И отрежу совсем немного. Фаланги две. На мизинце. Он ведь все равно в бою не особо нужен, да?

— Только тронь, и тебе придется отращивать всю руку целиком. — Каэль задергался в веревках. Теперь, когда боль больше не терзала его разум, хорошо тренированный воин с легкостью освободился от не слишком-то умело наложенных волшебниками пут. На его раскрытой ладони воздух понемногу начал собираться в клубок, будто скрученный из тугого ветра, жаждущего вырваться на свободу и способного наградить оказавшегося на его пути как минимум шикарными синяками, а то и парой переломов. Против полноценного чародея, конечно, не очень действенное оружие, но молодой воин, не желавший подвергаться дополнительным «лечебным» процедурам, был рад и такому.

— Ладно, — погасил зарождающийся конфликт магистр магии. — Не будем усугублять. Еще немного, и Каэлю придется переучивать легенду, внося туда эпизод прорыва с боем через кордоны, а это уж точно лишнее. Вещи ты собрал?

— Разумеется. — Внук развеял заклинание, которое с некоторой натяжкой могло сойти за боевое, но с чародея, пожелавшего откромсать ему пару пальцев, настоящего взгляда не сводил. — Зачарованный кожаный доспех из родовой сокровищницы, лук и меч оттуда же, немного золота, твои артефакты... Еду оставил: добыть провиант, если есть стрелы, не проблема. Денег хотелось бы, конечно, взять больше, но ездовой волк по болотам не пройдет, а я не гном, чтобы тащить на спине собственный вес в металле, пусть даже благородном.

— Тогда отправляйся, — решил старый волшебник и, дождавшись, пока юный родич облачится в обмундирование, на голову превосходящее то, что было у не-

го раньше, и глубоко вздохнув, напрягся и открыл ворота портала. От взгляда Каэля не укрылось то, с каким трудом деду далось заклинание, а ведь точно такие же чары совсем недавно, в тот день, когда внука магистра магии уволили, давались ему легко. — Окажешься в нескольких сотнях шагов от стен последней заставы, а дальше... ну сам знаешь.

— Прощай! — Молодому эльфу неожиданно захотелось обнять деда, которого он, скорее всего, больше никогда не увидит, но это сбило бы настройки заклинания. И потом, раньше он никогда этого не делал, может, только в глубоком детстве, которого не помнит... а вот как старик его наказывал за малейшую провинность или даже вообще не пойми за что, в памяти Каэля отпечталось превосходно.

Заклинание заставило слегка зашевелиться волосы по всему телу, и миг спустя юный перворожденный оказался на границе Древнего леса, чаще служащей надежным барьером при попытках ее пересечь в обоих направлениях. Единственным безопасным местом здесь была узенькая дорога с многочисленными кордонами, от которой могущественная магия лордов-жрецов отпугивала разнообразную хищную живность, водившуюся тут в изобилии. Причем никто не скрывал, что чудовища, заселившие непролазные дебри, выведены в массе своей искусственно и любой другой добыче предпочитают двуногую.

— Хищные деревья, колонии жуков-людоедов, стаи бабочек-кровопийц, гигантские волки и рыси, — с тяжелым вздохом пробормотал Каэль, закидывая на плечо вещи. — И плюс к ним огромное болото перед людскими землями. Эх, а я так надеялся, что больше по этой клоаке бегать не буду! Столица, конечно, тоже та еще

помойка, но там на улицах, по крайней мере, есть булыжные мостовые и нет комаров, за века существования бок о бок с нами приспособившихся к эльфийской магии!

Шагом, больше похожим на бег, воин-маг углубился в лес. Хищников, несмотря на отсутствие защитных амулетов, он особо не боялся, служба в Зеленой страже придавала ему уверенности и позволила изучить значительную часть местного бестиария с точки зрения опасности и гастрономии. Питаться собственными запасами, которые, как ни крути, от возраста свежее не становятся, перворожденные жутко не любили, а потому ходили на охоту за дичью во много раз чаще, чем за беглецами из родного государства. А животному, когда в него тычут копьем или стрелами, абсолютно все равно, в чем там его пытаются убедить своими чарами изделие друидов, инстинкты бегут вверх, и оно защищается, как может.

Ровное передвижение Каэля, впрочем, продолжалось недолго. Юный эльф внезапно увидел характерный след, который мог проложить лишь неисправимый горожанин, проламывающийся через кустарник, и встал на него с целеустремленностью гончей. Причем побежал он за своей нежданно-негаданно объявившейся целью с намного большей скоростью, чем можно было ожидать даже от самой лучшей собаки.

«Зачем я это делаю? — ошалело подумал воин-маг, перепрыгивая с запасом лежащее поперек тропинки бревно. То дернулось было за ним, но поняло, что все равно не успеет схватить шустрюю добычу, и осталось лежать на прежнем месте, поджидая менее стремительную жертву. Хищные деревья умели ждать. Неспособность передвигаться с места на место очень развивает терпеливость. — Ну догоню я его... нет, все-таки, наверное, их... очень уж много следов, и что дальше? На заставу тащить? Так самого стрелами запросто утыкать

могут. Вдруг не станут дожидаться ответа из столицы и решат провести судебную церемонию по минимуму... Да и что еще там ответят по поводу шпиона, меньше дня как вышедшего на самостоятельную работу? Убить тех, кого догоню? Можно, конечно, но зачем? Я, даже когда служил, этим не увлекался и почти всегда давал беглецам уйти, да так в общем-то почти все делали, ведь изгнанники сами определяли свою судьбу, а смерть от руки представителей низших рас может быть куда более мучительна, чем самый суровый приговор. Попросить, чтобы приняли в команду? До этого Сумеречного леса, чем бы он там ни был на самом деле, все равно не меньше года пути, один запросто могу пропасть, а со спутниками шансы на то, что доберусь не туда, так к западным эльфам, куда выше. Вот только то, что раньше я таких, как они, ловил и казнил, написано на моем лице, причем несмываемыми красками. Не поверят, а если поверят, первой же ночью зарежут просто за то, что натерпелись от власти, ведь от хорошей жизни из страны не бегут. И не докажешь, что сам из-за традиций и предрассудков всю жизнь страдал...»

Каэль прервал размышления, почувствовав острый аромат разлитой в воздухе крови. Причем, в этом он мог поклясться, принадлежала она не дикому зверью, сводящему счеты в извечной игре «хищник — жертва», а кому-то из народа перворожденных. Перейдя на шаг и взяв в руки меч — от лука среди тесного переплетения ветвей толку было мало, даже от эльфийского, — он осторожно приблизился к подножию гигантской, в пять охватов, сосны, у которой и разыгралась трагедия. Видимо, группка беглецов выбрала это место для привала, рассчитывая оказаться в относительной безопасности под укрытием толстых сучьев, сквозь которые их не разглядеть птицам-наблюдателям, время от времени

запускаемым чародеями Зеленой стражи на облет границ.

— Гнездо лесных паучков, — задумчиво пробормотал начинающий шпион, рассматривая висящие на ветках коконы, очень похожие на тела эльфов, замерших в разных позах и укутанных с ног до головы белым шелком. — У бедняг с наступлением утра, когда эти твари выходят на охоту, не было ни шанса, они даже за оружие взяться не успели... да и нет здесь оружия. Только тряпки какие-то... яркие... полупрозрачные... надеть которые без риска навеки стать изгоем в приличном обществе могла лишь рабыня.

Каэль внимательно осмотрел разбросанные предметы и впал в состояние легкого недоумения. На траве не было ни мечей, ни копий, ни даже луков! Соваться в лесную чащу без оружия... сумасшедшие, конечно, изредка встречаются, но чтобы в одном и том же месте в одно и то же время их набралось сразу шестеро?! Разумеется, оно могло остаться на телах...

Эльф оглядел коконы в поисках подтверждения своей догадки, но ничего даже отдаленно напоминающего колюще-режущие предметы не обнаружил. Зато в копилку странностей угодил такой факт: все жертвы, попавшиеся лесным хищникам, оказались женского пола.

«Ничего не понимаю, — мелькнуло в голове воина-мага, осторожно тронувшего кончиком меча кокон, в котором из-под слоя тонкой материи что-то блестело. На траву упала вещица, сплетенная из алых шелковых полос и кованых золотых деталей, инкрустированных мелкими, но явно драгоценными камнями. Может, у женщин и существовало какое-то название для этого предмета, призванного поддерживать грудь и создавать иллюзию ее увеличения, но Каэль его не знал. Да он и видел-то такие всего пару раз на наложницах высокопоставленных столичных персон, сопровождавших сво-

их господ во время выездов в свет. — Наверное, это все-таки можно считать нагрудником. Очень оригинальным. Во всяком случае, на спину его точно не перевесишь, потому что такие горбы никаким плащом не скрыть. Вот только откуда он здесь взялся?! Как сюда попал гарем аристократа?!»

Сильный порыв ветра колыхнул кроны деревьев, и на голову эльфа свалился лесной паучок с брюшком, раздувшимся от высосанной из своих жертв плоти. Неподвижный. Спящий. Размером всего-то в одну тридцатую ногтя. Выглядел он безобидным и в общем-то почти таковым и являлся, если забыть о десятках тысяч его братьев, что сейчас мирно почивали по всей округе, переваривая сытный завтрак, свою единственную трапезу за сутки, а то и не одни, ведь на охоту эти мелкие хищники, живущие колониями, как муравьи, выходили исключительно в часы рассвета. И как только находили добычу по вкусу, что случалось довольно скоро, парализовали ее мгновенно действующим ядом, заматывали в кокон, облегающий плотнее, чем одежда, после чего сообща втаскивали на ближайшее дерево и начинали поедать. Особым аппетитом эти существа не отличались, отдельная особь могла обойтись без пищи до месяца, да и чтобы насытиться, хватало буквально крошки, но поскольку пауков было очень много, то свежая еда нужна была почти каждый день. Впрочем, если «улов» оказывался удачным, колония не двигалась с места до тех пор, пока продовольственный запас не портился. Отрава, вырабатываемая паучьими челюстями, не убивала добычу, правда, толку от этого было немного и спасшихся насчитывались единицы. В плотно облегающих коконах, мешающих движениям грудной клетки и практически не пропускающих воздух, жертвы, которым «повезло» оказаться съеденными не сразу и не ис-

течь кровью из множественных мелких ранок, попросту задохнулись.

— Какая нелепая и страшная смерть, — вздохнул Каэль, переходя на магическое зрение, чтобы убедиться в том, что выживших нет. — Им бы еще жить да... О, сила Леса, она еще дышит!

Одна из пленниц действительно еще не попала в чертоги мертвых. Невероятно, но эльфийка, которая провела в шелковой тюрьме несколько часов, чудом умудрилась не отправиться на встречу с предками.

Инстинкты опередили разум. Раз — и срезанный воздушным лезвием кокон вместе с ветками, к которым он крепился, летит на землю. Два — и мгновенно выросшие у подножия гигантской сосны травы образуют мягкую подушку, чтобы смягчить удар. Три — и острый нож испаривает паутиный шелк, обнажая жуткое содержимое.

«Совсем недавно эта рабыня, вероятно, была красива», — ошеломленно подумал Каэль, разглядывая жертву лесных хищников, имевшую на лице татуировки, довольно сильно похожие на его собственные. Вот только у Каэля цвета воина и мага были нанесены на черный фон, как и полагалось сыну осужденной преступницы, а у девушки яркие рисунки перечеркивала тонкая паутина неволи. Из одежды на ней имелись зеленая куртка и точно такие же штаны, смахивающие по своему крою на охотничий костюм высокорожденных леди, в которых те изредка изволили появляться на природе. Впрочем, он был явно великоват для обладательницы и висел на ее плечах, как на манекене в мастерской портного.

— Из касты купцов, продана за долги отца для ночных услад... хм... не знаю обладателя этого символа, но, судя по соседним иероглифам, он вассал одного из личных слуг лорда-жреца Катфаэля. — Каэль прочел

символы татуировок и задумался. — Такие в свой дом не станут брать дурнушку. Ну, может, только на хозяйственные работы, но никак не для... этого. Сейчас-то, понятное дело, ею и пьяный орк побрезгует. Все тело, наверняка и под одеждой — лесные пучки проникают под нее с легкостью, — распухло и пожелтело от яда в местах укусов; особенно досталось лицу, уж очень там кожа тонкая и лакомая для хищных насекомых; шевелиться, понятное дело, не может и вряд ли что-то чувствует...

— Добей, — прошептали увеличившиеся почти до карикатурных размеров губы, кожу которых, пошедшую пятнами, маскировал ярко-алый цвет не потекшей, несмотря ни на что, стойкой помады. Глаза незнакомки, с трудом разлепившей набухшие веки, впились в лезвие обнаженного меча со странной смесью ужаса, надежды и облегчения. — Больно, больно, не могу, больно...

Каэль растерялся. Взмахнуть клинком и исполнить просьбу, конечно, несложно, да и удара под парализующим ядом жертве не почувствовать... Стонать от боли и говорить, находясь под его воздействием, ей тоже, мягко говоря, сложновато. Конечно, со временем организм переварит отраву, с момента трагедии не прошло и дня! Впрочем, жертвы лесных паучков обычно долго не живут. Этой же повезло, но, судя по всему, она явно жалеет о милости высших сил к ее персоне. Так подлинно изображать агонию невозможно. Кому, как не ему, вот так же корчившемуся совсем недавно, знать об этом. Да и вообще, несмотря на ранг воина-мага, убивать молодой эльф не любил. Тем более женщин. Хотя пару раз приходилось, но то было в бою, когда беглецы сопротивлялись до последнего и бросались на преследователей, как бешеные звери, и тогда уж было не до раздумий. Или ты, или тебя. Ведь без оружия за границу Древнего леса еще никто не уходил. Никто,

кроме этих юных дурочек, что стали добычей лесных хищников.

«Наверное, — решил новоявленный шпион перво-рожденных, — они полагались на что-то иное. Вероятнее всего, на магию, которую не успели пустить в ход против насекомых. Она же, наверное, и дала возможность выжить этой девушке. Какой-нибудь целительный амулет? Он был бы совсем не лишним... Да, бросать ее, парализованную, в лесу... как-то... неправильно. И лишать жизни очень не хочется, пусть сейчас она и думает, что ее путь окончен, но я-то знаю, что это не так. Ранки от укусов, сколь бы многочисленны они ни были, заживут в течение десяти дней, не оставив и следа. Может, взять с собой? Пара, мужчина и женщина, выглядит куда менее подозрительно, чем одинокий беглец, о какой бы расе ни шла речь».

— Ты способна говорить? — спросил Каэль и принялся творить самое мощное исцеляющее заклинание, на которое был способен. Для этого ему нужно было одной рукой касаться какого-нибудь дерева, а вторую возложить на пациента. В лесу проблемы поиска подходящей растительности не возникало. Каэлю совсем не обязательно нужен был ствол. Ветка для перекачивания чужой жизненной силы тоже годилась. Тем более дерева, под кроной которого могла укрыться маленькая армия какого-нибудь захолустного человеческого королевства. Или гномий хирд. Эти коротышки умудряются в своем боевом строю занимать на удивление мало места, что дает им большое преимущество против стрелковых атак и таранных ударов конной лавы.

Ответа молодой эльф не получил. Незнакомка как заведенная стонала и беспрестанно дергалась. Каэль, уже закончивший заклинание, рукой, в которой переливался светло-алым клубок целительной энергии, дотронулся до девушки, передавая ей забранную у дерева

жизненную силу, но тут под курткой жертвы лесных паучков вдруг что-то резко дернулось. Раз, другой, третий... Создавалось полное впечатление, что меж двух грудей, обтянутых тканью, прорезалась третья и теперь ищет путь на волю.

«Какой-то паразит? — Воин-маг, боевые рефлексy которого взяли верх, осознал себя отстоящим от потенциально опасного объекта на десяток шагов, причем лечебные чары его как-то сами собой преобразились в комок испепеляющего пламени. — Но в наших лесах ничего такого не водится. Слава предкам, подобная мерзость — прерогатива исключительно южных джунглей! Но, во имя звезд, что же это?»

Непонятная «опухоль» на теле эльфийки прекратила хаотически метаться и замерла на месте, а потом дорогой костюм, наверняка зачарованный, начал расползаться, как будто на него плеснули кислотой. Странно, но девушка особых признаков недовольства этими метаморфозами не проявила. Все так же стонала от боли.

В душе Каэля тем временем боролись любопытство и желание спалить мерзкую тварь, поселившуюся в теле перворожденной. Неизвестно, что победило бы, но тут воздух огласил очень не характерный для данной местности звук.

— Мяу! — недовольно сказала кошачья голова, вынырнувшая из прорехи. Серый цвет лоснящейся шерсти разбавлял лишь аккуратный белый клин точно под нижней челюстью. Убедившись, что снаружи ничего страшного нет, наружу вылезло все туловище.

— Канамот, — опознал зверя эльф и убрал меч в ножны. — Теперь понятно, почему она выжила. Это ты ее спасла, верно?

— Пчхи, — недовольно произнесло животное и, развернувшись к воину-магу высоко задраннyм хвостом, стало вылизывать лицо пострадавшей. Там, где прохо-

дил шершавый язычок, желтые пятна исчезали вместе с ранками. Но с каждой каплей впитанной отравы блеснувшая на солнце шерсть начинала блекнуть.

«Придется помочь зверьку», — решил эльф и снова принялся начитывать исцеляющее заклинание, попутно вспоминая все, что слышал об этом существе, одном из немногих обитателей окраин Древнего леса, который, в виде исключения, не только не враждебен путникам, но и по мере сил старается оберегать все разумное, что попадется ему на глаза.

Полуживотные-полурастения, канамоты были результатом экспериментов лорда-жреца Оберэля, скончавшегося вот уже добрых полторы тысячи лет назад в клыках твари, которая должна была стать шедевром его чародейского искусства. Этот могущественный волшебник задался целью придать ездовым тиграм, древнейшим боевым животным эльфийской расы, врожденные магические свойства и потому проводил немало экспериментов. На кошках. Ибо их старшие собратья стоили так дорого, что даже один из правителей государства перворожденных не решался слишком уж радикально сокращать их поголовье смелыми опытами. Естественно, количество погибших животных измерялось тысячами, и однажды какой-то измененный чарам помет, на котором, судя по всему, отрабатывались конечные результаты, попал на помойку и там умудрился выжить и размножиться. Спросить экспериментатора, случайность это или часть хитроумного плана, оказалось нельзя. Незадолго до того, как этих измененных существ выделили в отдельную группу, его целиком, вместе с душой, сожрала жуткая тварь, в которой бывшего тигра опознали только по надписи на ошейнике, нашедшемся в глубинах покрытой мехом чешуи. В остальном же она была похожа на помесь бродячего хищного цветка-переростка и демона.